

Сергей Кожушко

12+

Школа фокусников

Сергей Кожушко
Школа фокусников

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Кожушко С.

Школа фокусников / С. Кожушко — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Четыре друга из сиротского приюта случайно попадают в Школу фокусников знаменитого иллюзиониста Пьетро Брокколи. Вскоре ребят и их наставника похищают неизвестные великаны. Дети оказываются в царстве таинственных Бореев. Там друзья узнают, что великаны считают ребят великими волшебниками. А похитили их Борей для того, чтобы они помогли вернуть священный артефакт – источник силы и мудрости, украденный у них злобными карликами дуардами с целью захвата власти на всей Земле. Ребята вместе с учителем Пьетро Брокколи соглашаются помочь благородным Борейам и отправляются в опасное путешествие в царство злобных дуардов.

Пролог

Предыстория автора

Эту историю, на первый взгляд неправдоподобную, почти три десятка лет тому назад рассказал мне мой дед. Не зная его, в нее можно было и не поверить. Однако, все по порядку...

Мой дед, Даниил Сергеевич Кольцов, был большим затейником, умевшим делать удивительные вещи. Он так ловко мог выстругать из деревяшки балаганного Петрушку, или какую-нибудь диковинную зверушку, что вокруг него тот час собиралась толпа удивленных ребятшек, потешавшихся над чудачествами начинавших оживать в руках деда кукол. Или однажды дед настолько умело разрисовал фасад своего бревенчатого двухэтажного дома, что тот стал походить на яркий цирковой шатер. У ограды неизвестно откуда взявшегося в одночасье цирка в считанные минуты собралась очередь из соседей и случайных прохожих, желавших попасть на представление заезжих артистов.

Вообще, цирк являлся самой большой страстью деда. А самым любимым его цирковым жанром были фокусы. Даниил Сергеевич мог нам – внукам – часами показывать удивительные манипуляции с платками и шарами, домашними птицами и животными. К примеру, он брал пустое ведро, накрывал его махровым полотенцем, делал над ним пару-тройку плавных движений своими морщинистыми руками и вынимал на свет Божий большой и яркий воздушный шар. Затем дед вытаскивал из уха длинную спицу и ею протыкал блестящий в лучах яркого солнца своей гладкой поверхностью шар. Спица падала внутрь шара, по-прежнему оставаясь таким же упругим и ярким. Дед запихивал шар со спицей внутри обратно в ведро, снова накрывал его полотенцем, делал, казавшиеся нам таинственными, пассы, срывал с ведра накидку, и демонстрировал нам его эмалированное дно, на котором вместо воздушного шарика копошился крохотный крольчонок.

В другой раз за обедом Даниил Сергеевич вдруг неожиданно для всех запихивал в рот и проглатывал алюминиевую ложку, которой пару минут назад хлебал горячий борщ. После этого дед начинал кашлять, тяжело дышать, словно что-то распирало его изнутри, с большим трудом вставал со стула, и... Мы с изумлением открывали набитые едой рты, видя на освобожденном стуле только что проглоченную дедом ложку.

Излюбленным его фокусом было заставить летать то, что по своей природе не могло этого делать. К примеру, домашние тапочки или отцовскую шляпу. Эти предметы только лишь от одного строгого взгляда Даниила Сергеевича вздрагивали, приподнимались на несколько сантиметров в воздух и медленно плыли по комнате. Дед вдруг громко хлопал в ладоши, и тапочки или шляпа немедленно падали на пол. Видевшие это подбегали к упавшему предмету, начинали крутить его в руках, царапать ногтями, ковырять пальцами, безуспешно пытаясь раскрыть секрет его чудесной левитации. Даниил Сергеевич, сидя рядышком на табурете, с прищуром смотрел на маловерных зрителей, лукаво улыбаясь в свои пышные седые усы, и негромко, но поучительно бормотал:

–В чудеса надо верить! В чудеса!..

Внуки и соседские ребятки относились к Даниилу Сергеевичу с чувством благоговейного трепета. Когда его высокая статная фигура проплывала по улице, над заборами появлялись десятки мальчишечьих и девчоночьих глаз, испуганно и почтительно провожавших самого великого (как казалось им) фокусника всех времен и народов. Дед, продолжая шествовать, медленно поворачивал к ним свою величественную голову, озорно подмигивал из-под нависших густых бровей, и в следующее мгновение лица и глаза исчезали за забором, а затем раздавался грохот падающих тел и приглушенный писк...

Глядя на деда, я частенько задавался вопросом: как он выглядел в детстве, когда бегал босоногим мальчишкой по улицам родного города? Неужели эта же густая седая шевелюра, усы и борода обрамляли его детское лицо пятьдесят лет назад? А его руки? Может быть и тогда учебник по какой-нибудь географии или геометрии держали эти большие морщинистые

руки? А учителя? Наверняка, вызывая его к доске, они называли юного деда не иначе, как «Даниил Сергеевич». «Даниил Сергеевич! Вы не знаете название столицы государства Мозамбик!» «А не назовете ли Вы мне, Даниил Сергеевич, когда и где произошло Ледовое побоище?» «Как выразительно Вы прочитали эту главу из «Евгения Онегина», Даниил Сергеевич!» Мое воображение не могло себе нарисовать деда в детстве иным, чем сейчас, и его фотографии, развешанные по стенам дома и желтевшие в альбоме, не могли подсказать иного – везде он выглядел таким же большим, величественным и бородатым. Разве что морщин на его добром лице на снимках десяти – двадцатилетней давности было поменьше, чем теперь.

Но вот однажды чудесным летним утром, разыскивая на антресолях припрятанный матерью от меня – сорванца пращ, я наткнулся на старый конверт. Конверт был настолько старым, что, казалось, он вот-вот рассыплется в моих руках. На его серой лицевой стороне, в правом верхнем углу, на фоне алого флага со звездой и скрещенными серпом и молотом чернели буквы необычного шрифта «РСФСР», обозначавшие название молодого государства, в котором довелось расти деду: «Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика». На обратной стороне темнела разломленная пополам сургучная печать, весьма утяжелявшая конверт. В самом же конверте своими чуткими пальцами я нащупал что-то объемное, но мягкое. Я нетерпеливо раскрыл пакет, и мне на колени выпала стопка фотографий. Я разложил веером их по полу. Фотографии были не менее старые, чем конверт, в котором они хранились, как думаю, не один десяток лет. На пожелтевших и потрескавшихся за давностью лет снимках я увидел мальчика двенадцати – тринадцати лет, худого и высокого. На одних фотографиях он был в коротких шортах, заправленной в них мятой белой рубашке и несуразных сандалиях. На других – в огромных валенках, безразмерном тулупе и съехавшей на бок шапке -ушанке. На третьих... Эта часть найденных снимков заинтересовала меня большего всего. Здесь неизвестный мне мальчишка был, то в костюме клоуна, то во фраке, смотревшемся на ребенке весьма комично, и шляпе-цилиндре, то в акробатическом трико и футболке. На одной из фотографий рядом с ним я увидел высокого и не менее тощего, чем неизвестный мне мальчик, усатого мужчину в черном смокинге и галстук-бабочке поверх белой рубашки. Одна рука его опиралась на большой ящик, украшенный звездами. В другой руке незнакомец держал черную шляпу.

Я собрал фотографии, вернул их в конверт, засунул его в карман своих широченных брюк и выбежал во двор. Там Даниил Сергеевич строгал рубанком на верстке свою очередную поделку.

–Дед, – крикнул я с крыльца, – у меня к тебе есть разговор!

Даниил Сергеевич вытер пот со лба и махнул мне рукой.

Лавируя между грядок с зеленеющими трубочками лука и колышущимися венчиками укропа, я подбежал к сараю, молча вынул конверт, разложил перед дедом на верстаке фотографии и вопросительно посмотрел на него.

Даниил Сергеевич загадочно улыбнулся в свои шикарные усы, подошел к рукомоюнику, смыл с ладоней грязь и опилки, вытер руки и кивнул на сарай:

–Зайди туда. Я тебе еще кое-что покажу.

Мы зашли в просторный, но мрачный, заставленный полками и шкапами с инструментами, поделками, пузырьками и флакончиками, тисочками и сверлильно-шлифовальными станочками сарай. Дед щелкнул выключателем. Под потолком сиротливо замерцала тусклая лампочка.

–Посторонись-ка! – Даниил Сергеевич мягко сдвинул меня с места и, нагнувшись к полу, ловко поддел несколько досок. – Клянусь своим последним зубом, что ты не знал о моем тайнике!

–Тайнике! – от изумления мой рот непроизвольно открылся, а по спине пробежали мурашки.

Тем временем в полу образовалось весьма большое отверстие. Дед довольно ловко спрыгнул туда. Из дыры в полу стала доноситься возня, кряхтение, наконец, послышался глухой голос Даниила Сергеевича:

–Принимай! Смотри, не урони!

Следом за этими словами в черном квадрате открывшегося тайника показался ящик, который я крепко ухватил и, сопя от напряжения, вытащил на поверхность.

Следом за ящиком вылез дед. Он был облеплен паутиной, стружками и комочками глины. Отряхнувшись, Даниил Сергеевич стукнул ладонью по металлическому ящику:

–Эту тайну я хранил с самого детства, и ты первый, кто о ней узнает.

От нетерпения у меня пересохло в горле, а ладони вспотели и зачесались – им так хотелось открыть этот таинственный ящик и вытащить его содержимое!

–Не робей! Открывай смелее! – легонько толкнул меня в плечо дед, и я тотчас откинул крышку секретного ящика.

На дне его лежали какие-то тряпицы. Я сунул в ящик две руки, взял в охапку все его содержимое, и едва моим глазам предстал выцветший от времени клубок ткани, как догадка молнией озарила мой мозг. В моих руках находились вещи, в которые на увиденных мной старых фотографиях был одет тот худой и высокий мальчишка! Вот – то самое акробатическое трико и футболка, вот – поблекший костюм клоуна, а вот и те самые фрак и цилиндр, в котором на снимке стоял мальчик-фокусник.

–Это еще не все! – подмигнул мне дед, и, порывшись в ящике, вытащил длинную никелированную трубку. – Магическая палочка – главный инструмент всякого уважающего себя фокусника!

Даниил Сергеевич описал магической палочкой в воздухе круг, и он вдруг озарился нежно-голубоватым сиянием.

–Дед, – сказал я, немного справившись с охватившим меня волнением. – Значит мальчик на фотографиях – это ты!?

–Я, – почему-то грустно сказал дед. – Только тогда мне было всего тринадцать лет, и я безумно мечтал стать настоящим фокусником. Я хотел разъезжать по миру и удивлять людей своими чудесами.

–А тот усатый мужчина на фотографии рядом с тобой – это кто? – не унимался я.

Дед шумно вздохнул, провел пальцем по магической палочке, от чего воздух вокруг нее заискрился, заиграл десятками быстро тающих звездочек, и, наконец, ответил:

–О, это особая история! Человека этого звали Пьетро Брокколи, и он был, я думаю, самым великим фокусником на свете. Ну, после меня, конечно, – лукаво улыбнулся Даниил Сергеевич. – Именно он пятьдесят лет назад научил меня всем премудростям этого магического ремесла. Мы были в пяти минутах от всемирной славы. Если бы...

–Если бы что? – заглянул я в глаза деда, на которые уже успели навернуться несколько слезинок.

–Если бы не одна совершенно фантастическая история, приключившаяся с нами.

–Дед, – дернул я за рукав Даниила Сергеевича, – расскажи мне эту историю! Ну, пожалуйста!

Даниил Сергеевич недоверчиво посмотрел на меня, начал нервно теребить свои усы, и, наконец, строго сказал:

–Дай слово, что пока я жив, о ней кроме тебя больше никто и никогда не узнает!

С этими его словами воздух вокруг магической палочки окрасился в алый цвет.

Я вытянулся по стойке «смирно»:

–Я торжественно даю слово никому и никогда не рассказывать истории, ставшей мне известной от моего деда Кольцова Даниила Сергеевича! Если же я нарушу данное мною слово, то пусть...

–Достаточно, – прервал меня дед. – Я тебе верю.

Даниил Сергеевич опустил на вынутый из тайника металлический ящик.

–Присаживайся, – кивнул он мне на стоявший рядом старый резной стул и хлопнул в ладоши.

Лампочка под потолком сарая погасла, и в наступившем полумраке зазвучал негромкий голос деда.

Глава 1

Дед начинает свой рассказ

На дворе шел далекий одна тысяча девятьсот двадцать девятый год. Я жил в небольшом сибирском городке Бугучанске, расположившемся в тайге на половине пути между Красноярском и Иркутском. По причине того, что отец мой геройски погиб в самом конце гражданской войны, а мать вскоре после этого умерла от такой страшной болезни, как тиф, я стал зваться сиротой, и был отправлен на воспитание в детский приют.

Приют наш состоял из двух двухэтажных бревенчатых зданий и нескольких подсобных строений, обнесенным высоким деревянным забором. В одном здании проживали мы – тридцать пять сорванцов самых разных возрастов, не имевших в этом мире ни единой родной души. В другом здании располагалась школа, где старые и, как казалось нам тогда, злые учителя пытались впихнуть в наши ветреные головы хотя бы малую толику своих бесценных знаний. Высота окружавшего приют забора была обусловлена нашим неистребимым стремлением к свободе. Не было дня, когда кто-нибудь из воспитанников приюта без разрешения его директора не рвал бы себе вечерами штаны на острых штакетниках забора, пытаясь бежать. Нет, конечно же нам давали возможность выходить в город! В свободное от учебы время мы шумной ватагой разгуливали по пыльным улочкам Бугучанска, покупали вкусное мороженое, глазели на витрины кондитерских магазинчиков, катались на каруселях в городском парке. Однако нам всегда хотелось сделать то, что было запрещено. Нам же строго – настрого запрещалось покидать территорию приюта после десяти часов вечера. Но как раз именно в это время, когда ночь опускалась на низенькие крыши тихого городка, оживала железнодорожная ветка, пролежавшая в нескольких сотнях метров от нашего приюта. Железнодорожная ветка имела звучное название: «Транссибирская магистраль». Эта огромная стальная артерия пронизывала от Байкала всю Сибирь и шла далеко на запад к сердцу нашей Родины – городу Москве. Десятки эшелонов не останавливаясь, проносились мимо Бугучанска, неся в себе хлеб и керосин, лес и уголь, сонных пассажиров и наши мечты о далеких странствиях. Черные монстры-паровозы, окутанные клубами пара, оглашали своими могучими голосами окрестности. И мы – десяти – четырнадцатилетние мальчишки – были готовы часами сидеть на пустынной дощатой платформе станции, слушать их призывные сигналы, вдыхать в себя запах мазута и угольной гари, идущий от разгоряченных тел локомотивов.

Однако наше железнодорожное счастье длилось, обычно, недолго. В свете станционного фонаря появлялась хромоногая коренастая фигура. Грозно размахивая увесистой тростью, к нам приближался директор приюта Матвей Петрович Сердюк...

Надо сказать, Матвей Петрович весьма соответствовал своей фамилии. Мрачная сердитая маска никогда не покидала его лица. Одевался он всегда столь же строго. Френч военного образца, широкие штаны – галифе, заправленные в начищенные до ослепительного блеска хромовые сапоги – все указывало на его боевое прошлое. Мы слышали, что из-за полученного ранения он был вынужден оставить службу в армии, и лет пять назад на наше несчастье возглавил Бугучанский приют.

Матвей Петрович обладал громовым голосом, от которого кровь стыла в венах и тряслись наши детские поджилки. Когда он распекал очередного провинившегося шалунишку, стены приюта содрогались, с потолка сыпалась штукатурка и звенели стекла в окнах директорского

кабинета. После взбучки бледный, как полотно проказник на полусогнутых ногах выходил от Сердюка, и всю последующую неделю вел себя тише воды и ниже травы, стараясь не попадаться ему на глаза.

Но пуще громоподобного голоса Матвея Петровича мы боялись его массивной трости, которой он размахивал всякий раз, находясь в гневе. Ею, сделанной из цельного массива дуба, с металлическим набалдашником в форме лошадиной головы, можно было крушить стены, таранить ворота крепостей и пробивать танковую броню. Бывало нам казалось, что еще секунда, и эта трость-палица всем своим весом обрушится на наши головы. Однако лишь только свист от проносившейся над нами дубинки с металлической лошадью на конце указывал на ее участие в трудном процессе нашего воспитания...

Появившись на ночном станционном перроне, Матвей Петрович еще издали начинал нас песочить, называя «бесстыдниками», «шалопаями» и «предателями». Даже проходивший в тот момент мимо паровоз не мог заглушить трубного голоса Сердюка, покрывавшего своими раскатами притихшие окрестности.

Мы, виновато опустив головы, вставали со скамейки, вздыхали, провожая грустными взглядами огни уходящего поезда, и, как побитые дворняги, плелись за Сердюком обратно в приют.

Однажды теплым июньским вечером, когда воспитанники приюта уже попрятались под своими сиротскими одеялами, а старик-сторож подслеповатый и глуховатый дядя Федор, обойдя вверенную территорию, мирно дремал в деревянной сторожке, мы с друзьями надумали сделать вылазку за забор. Согласно приютской легенде именно в эту ночь раз в два года мимо Бугучанска проходил литерный бронепоезд. Вот только еще никто из воспитанников приюта его никогда не видел. Но каждый из нас был уверен, что повезет именно ему. Потому-то я со своими друзьями – Мотькой Крюком, Санькой Свистом и Димкой Бубликом – решил наступившей тихой и лунной ночью все-таки дожждаться этот легендарный эшелон.

О бронепоездах мы знали все, или практически все, хотя ни разу в жизни их не видели. Мы знали, какого калибра артиллерийские орудия стоят на их башнях и какая толщина у клепаной брони бронепоездов. Мы знали, какую скорость могут развивать эти составы, и сколько человек несут службу в этих железнодорожных крепостях. Нам даже были известны названия некоторых бронепоездов: «Красный Октябрь», «Стальной кулак», «Огненная стрела». Эта весьма занимательная для нас информация стала нам известна, во многом, благодаря все тому же великому и ужасному Матвею Петровичу Сердюку, который одобрял наш интерес к военной технике...

Итак, дождавшись, когда в коридорах приюта воцарится гробовая тишина, мы прокрались в приютский двор. Впереди, метрах в пяти от нас, белела сторожка с дядей Федором, который, несмотря на свою глухоту и слепоту, имел удивительное чутье на беглецов. Мотька Крюк поднял с земли камешек, прицелился и метнул его по направлению к сторожке. Послышался глухой звук удара. Мы присели в заросли обжигающей крапивы, ожидая скрипучего оклика дяди Федора. Однако дядя Федор не подал голоса.

– Или умер, или спит, – резонно рассудил Санька Свист.

Выждав еще две контрольные минуты, мы короткими перебежками двинулись вперед. Миновали низенькое здание, в котором располагались и склад и мастерская, кучу мусора, едва не свалились в выгребную яму, и, наконец, уперлись носами в деревянную стену.

Прежде перелезть через забор для воспитанников не составляло особого труда. Но после того, как директор натянул по верхней кромке высокого штакетника колючую проволоку, это занятие перешло в разряд рискованных.

Однако, готовясь к той вылазке, я постарался продумать все. Даже то, как решить проблему с колючей проволокой. В то время, пока мои друзья озадаченно чесали затылки, я вытащил из-за пазухи старую телогрейку, велел, чтобы меня подсадили, а когда это было сделано,

накинул ее на проволоку. Не ожидавшие с моей стороны подобной находчивости, мальчишки даже присвистнули от удивления. Я же подал руку вначале Димке Бублику и перетащил его через телогрейку на другую сторону забора. Затем таким же образом я даровал свободу Мотьке и Саньке.

Вскоре мы, довольные и веселые, шагали к железнодорожной станции, пиная попадавшие под ноги камни и насвистывая мотив песенки «Мы едем, едем, едем в далекие края»...

Полная луна, как казалось, висевшая прямо над нашими головами, ярко освещала дощатую платформу станции, сиротливую скамейку, притихшие липы за ней, отбрасывая от предметов длинные корявые тени. За железнодорожным полотном чернела тайга, откуда изредка доносились наводившие на нас страх звуки. За тайгой угадывались зигзагообразные силуэты далеких и таких загадочных гор.

–Ночь оборотней! – прошептал бывший по годам самым младшим из нас Мотька, озираясь вокруг.

Хотя и у меня самого сердце то и дело робко сжималось в груди, я демонстративно сплюнул на платформу и нарочито громко произнес:

–Ты свои суеверия брось! Все оборотни еще в прошлом веке вымерли. Как мамонты, или, скажем, динозавры. Ступай, лучше, послушай, идет поезд, или нет.

–Ага! – радостно кивнул Мотька и бросился со всех ног к насыпи.

Мы втроем присели на скамейку.

Мотька Крюк подбежал к железнодорожному полотну, лег на шпалы и приложил ухо к чугуну рельса.

–Ну, что там? – нетерпеливо крикнул Димка. – Слышно что-нибудь?

Крюк лишь отмахнулся и еще плотнее прижался к холодному металлу.

Вдруг что-то темное в метре от насыпи со свистом скользнуло по воздуху вдоль железнодорожной линии. Следом за этим послышался звук разбрасываемой гальки, фигура Мотьки взмыла вверх, и уже через несколько секунд он сидел, тяжело дыша, рядом с нами. Зубы его выбивали азбукой Морзе длинное сообщение.

–По-моему это была сова, – робко предположил Санька, имея в виду таинственное существо, пролетевшее над насыпью.

–А мне кажется, что это был филин, – опроверг предыдущее предположение Димка. – Уж больно здоров!

–А может это те самые злобные карлики? – подал тихий дрожащий голос Мотька.

Тут уж мы насторожились:

–Какие карлики?

–На днях в городе у водокачки я слышал, как водопроводчики говорили, будто в горах живет племя карликов. Эти карлики очень злобные, воруют детей и пьют их кровь...

Первым не выдержал я, окатив залившимся смехом сжавшегося Мотьку. Моему примеру последовали Димка и Санька.

Неожиданно сквозь наши звонкие голоса прорезался отдаленный паровозный свисток. В следующую секунду мы затихли, а затем, спрыгнув со скамейки, побежали к краю платформы.

Какое-то время мы ничего не видели. Но вот из-за леса, откуда выворачивала железнодорожная линия, выстрелил яркий луч света, за ним показался темный силуэт. Доски под нашими ногами слабо задрожали, завывли – закрипели рельсы. Наконец наши зоркие глаза уловили в ночи огненные искорки, вылетающие вместе с дымом из паровозной трубы. Мы переглянулись – что это: обычный состав или тот самый литерный бронепоезд?

Вот послышался ровный перестук колес стремительно приближавшегося поезда. Длинный силуэт состава увеличивался с каждой секундой. Наше напряжение достигло предела, когда Димка вдруг закричал:

–Смотрите! Пушки!

И действительно, все мы увидели черные, ошетилившиеся по сторонам орудийные стволы, освещаемые молочным лунным светом. Это был литерный! Это был самый настоящий бронепоезд!

Стоя у края дощатого перрона, мы заворожено наблюдали за тем, как на нас, извергая из своих недр огонь и пар, угрожающе надвигалась машина бронированного состава. Вот обшитый толстой клепаной сталью, похожий на гигантскую черепаху локомотив с нарисованной красной звездой и цифрами «515» впереди поравнялся с платформой, и в следующую секунду раздался нарастающий скрежет металла. Бронепоезд начал замедлять свой ход. Мимо нас пронеслось несколько вагонов с пулеметными и орудийными башнями, вагон-платформа с установленной на ней зениткой, затем проплыла цистерна, окрашенная, как и весь состав в защитный зеленый цвет, и поезд встал.

Я оторвал свой взгляд от огромной металлической заклепки на остановившемся напротив вагоне и перевел его в сторону бронированного паровоза. В этот момент в локомотиве отворилась небольшая дверка, и из узкого проема высунулся человек. Он оглядел перрон, что-то сказал тому, кто сидел внутри бронированного паровоза, спрыгнул вниз и махнул рукой. Послышался сиплый свисток. Человека, оказавшегося на деревянной платформе, окутало паром, состав дернулся и стал стремительно набирать скорость.

В тот момент мои друзья не обратили внимания на сошедшего с бронепоезда пассажира. Мотыка, Санька и Димка, пораженные небывалым зрелищем, оцепенелые, с открытыми ртами смотрели вслед удалявшемуся составу. Из ступора их вывел мягкий мужской голос:

–Здравствуйте, ребята!

Ребята вздрогнули и повернули свои вихрастые головы.

Перед нами стоял элегантно одетый – в серый костюм-тройку, малиновую сорочку с черной бабочкой – высокий и стройный мужчина лет сорока с черными, аккуратно подстриженными усами. В одной руке он сжимал объемный коричневый саквояж, другой поддерживал у груди серую шляпу-котелок. Черные лакированные ботинки его безупречно отражали лунный свет.

–Вы, случайно, не меня встречаете? – приветливо спросил он нас, подергивая усами.

–Нет!.. Мы... Это... Тут... – начал заикаться Мотыка, переживавший этой ночью уже третье, после налета неизвестного существа и вида бронепоезда, потрясение.

–Сироты мы, – вдруг жалобно сказал Санька, надеясь на всякий случай вызвать сострадание у незнакомца. – Нет у нас ни мамы, ни папы!

–Понимаю, – кивнул мужчина, – и сочувствую! И все же позвольте представиться: Пьетро Брокколи!

На наших лицах появилась гримаса непонимания. Такого необычного имени и фамилии ни кто из нас никогда в своей жизни не слышал.

Мужчина переложил шляпу в другую руку, залез во внутренний карман пиджака, вытащил оттуда картонный квадратик и подал его мне.

Четыре детские головы склонились над белой бумажкой. На ней, в ярком лунном свете красным по белому отчетливо читалось: *«Магистр фокусов, реальной магии и чародейства Пьетро Брокколи. Школа фокусников. Прием учеников в течение дня в здании клуба».*

Мы несколько раз внимательнейшим образом прочитали текст, напечатанный на картонном квадратике, переглянулись. Я повернул голову к незнакомцу, чтобы задать несколько уточняющих вопросов, и... не увидел его. Усатый мужчина с саквояжем в руке таинственным образом исчез!

Глава 2

Знакомство с Пьетро Брокколи и его школой

Наше ночное исчезновение из приюта осталось незамеченным. Это мы поняли по тому, как приветливо утром поздоровался с нами грозный Матвей Петрович Сердюк. Встретив нас в коридоре, он поинтересовался нашими делами, справился о здоровье, спросил о наших планах на выходные дни. Директор приюта собирался организовать для воспитанников воскресную экскурсию в городской музей. Когда мы услышали о предстоящем походе в музей, Димка Бублик едва не проговорился о том, что в воскресенье мы собрались сходить в Школу фокусников. Я вовремя успел стукнуть его сзади по спине. Да так сильно, что Димка закашлялся. Матвей Петрович с удивлением посмотрел на меня, пожал плечами, развернулся и пошел прочь.

Еще во время обратной дороги со станции в приют мы договорились наше ночное приключение и знакомство с Пьетро Брокколи сохранить в тайне. И вот теперь, стоя на утренней линейке, а затем сидя на школьных занятиях, каждого из нас четверых так и подмывало поделиться этим секретом с кем-нибудь еще. Лежавший в кармане моей рубашки картонный квадратик, врученный мне усатым мужчиной, не давал покоя. Рука так и тянулась вытащить его из кармана и гордо продемонстрировать одноклассникам. На переменах, уединившись в туалете, я доставал картонку, вновь и вновь рассматривал ее, подносил к носу, пытаюсь уловить незнакомые мне запахи, а один раз даже попробовал на зуб. Впрочем, ничего необычного в ней я так и не нашел.

Пятницу и субботу, несмотря на свою занятость, мы провели в нетерпеливом ожидании. Время тянулось мучительно медленно, и подтолкнуть его, ускорить его ход мы не имели никакой возможности. В какой-то момент Мотья даже предложил каждый астрономический час передвигать стрелки на старинных напольных часах, стоявших в просторном вестибюле жилого корпуса приюта, на несколько минут вперед. По его мнению таким образом мы могли бы ускорить наступление воскресенья часиков этак на восемь. Однако мы убедили его, что за эти проделки мы только получим нагоняй от Матвея Петровича, но никак не заставим солнце раньше положенного срока садиться и вставать из-за горизонта.

Наконец пришло оно, такое долгожданное воскресенье! С раннего утра в приюте началась суэта – воспитанники готовились к походу в музей. Кто-то гладил огромным паровым утюгом парадную рубашку, кто-то усердно штопал дырявые носки, кто-то начищал ваксой до ослепительного блеска свои ботинки. Матвей Петрович Сердюк весьма требовательно относился к нашему внешнему виду, и требовал, чтобы одежда и обувь воспитанников всегда имели опрятный вид. Особенно это касалось тех случаев, когда его питомцы покидали стены приюта.

Нам стало ясно, что не идти в музей можно было только по очень веской причине. Потому в половине десятого утра я зашел в кабинет Матвея Петровича и сообщил, что Димка Бублик, Мотья Крюк и Санька Свист заболели.

Сидевший за массивным с резными ножками столом, накрытым зеленым сукном, Сердюк оторвал голову от бумаг и сердито спросил:

–С чего это вдруг? Вчера еще никакой болезни за ними не наблюдалось.

–У них животы скрутило. Наверное, съели что-нибудь, – поставил я осторожный диагноз друзьям.

Директор приюта покачал головой.

–Всегда говорю: мойте руки перед едой! Так ведь не слушают, а потом болеют! – громыхнул его голос.

–Можно мне тоже не идти в музей? – робко спросил я. – Я бы в аптеку за лекарством сбегал.

Матвей Петрович махнул рукой:

–Хорошо. Пусть лечатся. Если к вечеру не поправятся – вызовем доктора. Только за территорию приюта не выходить!

–Конечно, конечно! – быстро согласился я и побежал в комнату к «заболевшим» друзьям. Димка, Санька и Мотья лежали на кроватях, по самые носы укрытые одеялами.

–Ну, как! – пропищал из-под одеяла Мотья. – Получилось?

–Еще как получилось! – гордо ответил я. – Директор поверил и велел вам лечиться. А к вечеру пообещал вызвать доктора с во-от таким шприцем! – развел я руки по сторонам. – Будут вам уколы ставить.

Димка вздохнул:

–Эх, влипли! Надо было нам другую причину придумать. А теперь вот уколами замучают...

В это время из открытого окна послышались десятки ребячьих голосов, грянувших песню: «Взвейтесь кострами синие ночи...». Это отряд воспитанников под предводительством Матвея Петровича Сердюка строем выходил из ворот приюта. К его крикливому и задорному пению примешивалось ритмичное шарканье нескольких десятков пар ног, поднявших такую пыль, что предметы за окном затянуло легкой серой пеленой.

Когда удалявшиеся звуки песни и шагов растаяли в знойном утреннем воздухе, я командовал:

–Пора!..

В здании клуба, куда нас пригласил Пьетро Брокколи, мы бывали не один раз. По слухам старинный двухэтажный особняк, выстроенный на высоком берегу бурной речки Екиманки, когда-то принадлежал купцу Савельеву и был огромным, по меркам Бугучанска, промтоварным магазином. В нем продавали скобяные изделия, одежду, обувь и всякие экзотические вещицы, привезенные из Китая, Монголии и Тибета. Потом случился пожар, купец бежал в неизвестном направлении, и дом начал медленно разрушаться. В начале двадцатых годов особняк отремонтировали и устроили в нем городской клуб. В клубе быстренько обосновались театральная студия, хор ветеранов, оркестр балалаечников и кружок фотолюбителей. Однако здание клуба было столь велико, что вторая – северная – его половина, имевшая отдельный выход в сторону реки, оставалась пустой. В этой-то половине мы и устраивали всевозможные игры вдаль от взрослых придиричивых глаз...

До клуба мы добирались окольными улочками и задними дворами, чтобы не попасть на глаза кому-нибудь из воспитанников или сотрудников приюта и избежать ненужных объяснений.

Очутившись на крыльце клуба, мы воровато огляделись. По пыльной улочке слонялись разморенные и медлительные от воскресного безделья прохожие, лоточники предлагали сахарных петушков и газеты, по мощеной крупным булыжником мостовой громыхали повозки и телеги, обгоняемые юркими автомобилями. Не обнаружив ничего подозрительного, мы шмыгнули под высокие своды храма культуры и тот час на нас обрушились звуки балалаечного оркестра. В просторном холле клуба деловито сновали бабушки с кипами нот под мышками и дети с балалайками и домрами, подростки в несуразных театральных костюмах и серьезные мужчины в пенсне и с фотографическими кофрами.

Мы завертели головами, ища вывеску Школы фокусников. Старушка в желтом пушистом парике, сидевшая за столом у входа, видя нашу растерянность, сдвинула двумя пальцами очки на лоб и строго спросила:

–Вы к кому, молодые люди?

–Нам нужна Школа фокусников Пьетро Брокколи, – ответил я.

Старушка нахмурилась, кивнула головой:

–Школа с другой стороны. А вам бы, молодые люди, я советовала не заниматься всякой ерундой, вроде этих фокусов, а записаться в серьезный кружок. В театр, например, или на балалаечке поиграть...

Мы, не дослушав нравоучительный монолог вахтерши, кинулись вон, крикнув на прощание: «Спасибо, тетенька!».

Северный вход в клуб представлял собой весьма печальное зрелище. Провалившиеся доски крыльца, покосившийся и худой козырек с нависшей и съехавшей черепицей над ним грозили неосторожному посетителю каким-нибудь увечьем. Сбоку на колонне, поддерживавшей козырек, висел тетрадный листок. На нем химическим карандашом было выведено аккуратно: «Школа фокусников Пьетро Брокколи».

–Мы у цели, – прошептал Димка Бублик и решительно подтянул штаны.

Мотька Крюк шмыгнул носом и робко спросил:

–Может я вас здесь – на улице – подожду?

Я хлопнул Мотьку по плечу:

–Не дрейфь!

Хмурый Санька Свист подхватил Мотьку под руку (чтобы тот не сбежал), и мы вошли под мрачные своды северной половины клуба.

Бывая здесь раньше, мы не обращали внимания на облупившуюся штукатурку, прогнившие доски пола, лохмотья серой паутины, свисавшие повсюду, впитавшийся в стены запах плесени. Мы были заняты своими важными детскими делами, и ни что другое нас не интересовало. Однако теперь весь интерьер заброшенной части клуба нам казался мрачным и пугающим.

–Давайте пока не поздно вернемся в приют, – жалобно заскулил Мотька, все еще зажатый, словно в тиски, крепким Санькой. – Что-то мне здесь не нравится!

–А вы поднимитесь наверх. Здесь у меня очень даже уютно, – раздался откуда-то сверху мужской голос, мгновенно размноженный гулким эхом.

Мы вздрогнули, точно от удара электрического тока. Площадка второго этажа, куда вела широкая с дутыми деревянными пилястрами лестница, вдруг озарилась ярким светом. Словно кто-то включил мощный прожектор. В свете этого невидимого прожектора стоял высокий усатый мужчина в черном фраке, из-под которого белела рубашка, зажатая у воротника черным галстуком-бабочкой. На голове у мужчины возвышался черный блестящий цилиндр.

–Пьетро Брокколи! – прошептал Димка.

–Сам вижу, – пробормотал я, заметив краешком глаза, как подкашиваются от страха ноги у Мотьки, а его из последних сил пытается удержать Санька Свист.

–Ну, смелее! Поднимайтесь сюда! – повторил Пьетро Брокколи. – Или ко мне в школу пришли трусы? Тогда вы обратились не по адресу! В этом случае вам надо не фокусам учиться, а вязать шерстяные чепчики для младенцев!

–Нет, мы не трусы! – ответил я громко и кивнул друзьям: – Идемте, ребята!

Каждая из двадцати двух ступеней лестницы, ведущих наверх, давалась нам с большим трудом. Санька буквально тащил за собой безвольного, отдавшегося на милость судьбе Мотьку. Сзади их подталкивал Димка. Наконец мы взобрались на самую верхнюю ступеньку. Пьетро Брокколи подал мне руку:

–Рад приветствовать вас – первых учеников Школы фокусников всемирно известного иллюзиониста Пьетро Брокколи!

«Заливает!», – подумал я, так как никогда не слышал имени этого всемирно известного фокусника.

Брокколи же с легким кивком головы пожал вспотевшие от волнения ладони моих спутников, а затем сделал широкий жест куда-то вправо:

–Теперь, ученики мои, я приглашаю вас познакомиться с моей школой. Идите за мной и не стесняйтесь задавать вопросы. Даже если они покажутся вам глупыми...

Брокколи распахнул перед нами высокие двустворчатые двери, и мы попали в просторную залу, которую прежде использовали для игры в казаков-разбойников.

Большая и продолговатая с высокими окнами комната, некогда захламленная, заваленная старой развалившейся мебелью, теперь предстала перед нашими глазами в ином, непривычном для нас обличье. Стены залы и оконные проемы были задрапированы бордовой бар-

хатной тканью. Вместо погасшей лет двадцать назад люстры под потолком, комнату освещали несколько рядов стеариновых свечей, выставленных по периметру. Их мерцающий свет придавал зале особый таинственный колорит, от которого по нашим спинам забегали мурашки.

Помимо необычного интерьера, мы увидели в зале очень много загадочных вещей, назначение которых Пьетро Брокколи нам раскрыл позже. Так посреди комнаты стоял огромный блестящий куб, усеянный золотистыми звездами. Далее на небольшом столике лежало несколько колод игральных карт неизвестных нам мастей. Левее от столика с потолка свисали деревянные качели. Приглядевшись, мы поняли, что качели на самом деле не свисали, а свободно парили в воздухе ни к чему не прикрепленные. В дальнем углу залы переливался большой перламутровый шар, озаряя беспокойными сполохами пространство вокруг себя. С правой стороны от нас в золоченой клетке сидела неподвижная фигура крупного попугая, которого вначале мы было приняли за чучело. Однако при нашем приближении чучело попугая вдруг распростерло крылья и издало резкий гортанный звук. У противоположной стены, там, где виднелась ниша низенькой двери, на деревянном подиуме стояла высокая – в человеческий рост – стеклянная колба, в которой в прозрачной жидкости плавало неизвестное нам и страшное своим видом крупное существо.

– Предметы, которые вы видите здесь, используют в своем ремесле фокусники всего мира. И потому, чтобы стать настоящими фокусниками, чтобы вам рукоплескали удивленные и благодарные зрители, вам предстоит научиться всем этим пользоваться, – сказал Брокколи, когда мы обошли залу. – А теперь прошу вас, мои ученики, пройти в мою лабораторию!

С этими словами он распахнул низенькую дверку в нише, рядом с которой в колбе плавало страшное существо, и взмахом головы велел нам проследовать за ним в следующую комнату, что мы и сделали.

Когда мы проходили мимо колбы, существо, напоминавшее своим чешуйчатым туловищем рыбу, длинными и тонкими ручками и ножками – младенца-дистрофика, а головой – жабу, вдруг открыло глаза и зло посмотрело на нас. От этого кровожадного взгляда Мотья едва не лишился чувств, а Санька, не удержавшись, показал страшилищу язык...

Вторая комната, гораздо меньшая, чем драпированная зала, была заставлена ретортами и колбами, вращающимися механизмами и всевозможными станками. От работавшего оборудования шел пар и раздавался негромкий и хаотичный стук.

Брокколи положил ладонь на стеклянный шар, внутри которого проскакивали малиновые искры, и продолжил свои объяснения:

– В этой лаборатории я готовлю новые фокусы. В частности сейчас я тружусь над созданием магического клея и усовершенствованием эффекта левитации.

– Над эффектом чего? – переспросил Димка.

– Левитация – это способность предметов летать без видимого внешнего воздействия, – пояснил Брокколи. – Умение заставить предметы левитировать является верхом мастерства фокусника. Сейчас я продемонстрирую вам один трюк, над которым я работаю вот уже несколько месяцев.

Брокколи повернулся лицом к стеклянному шару, незаметно нажал какую-то кнопку под крышкой стола, на котором стоял этот шар, и начал водить руками над прозрачной сферой. Малиновые искры внутри шара стали появляться все чаще и чаще. Вот они слились в яркую подрагивающую электрическую дугу. Шар, стоявший в углублении конической подставки, начал вращаться с каждой секундой все быстрее и быстрее. Ладони Брокколи напряглись, задрожали. Шар оторвался от опоры и завис в воздухе между руками фокусника и поверхностью стола, вращаясь в воздухе с бешеной скоростью. На какое-то мгновение фокусник отвлекся, бросив на нас взгляд, и в ту же секунду шар со свистом сорвался с невидимой опоры, отлетел к стене и от удара рассыпался на сотни мелких осколков.

– Ой! – вздрогнули мы.

–Ай, ай, ай! – покачал головой Брокколи. – Этот трюк еще требует доработки... Что ж, я думаю, на этом сегодня мы и остановимся. Какие у вас будут вопросы?

Мы лишь только пожали плечами. Увиденное нами зрелище было столь необычно, что требовало от нас некоторого осмысления.

Брокколи вынул из кармана брюк белую перчатку, надел ее на правую руку, сжал ладонь в кулак, прикрыл его сверху другой рукой и вдруг извлек оттуда завернутую в фольгу трубочку эскимо. Затем еще одну, и еще, и еще...

–Угощайтесь! – протянул он нам мороженое. – А сейчас я с вами прощаюсь и жду вас завтра в четыре часа пополудни...

Глава 3

В Школе фокусников начинаются занятия

И вправду говорят, что понедельник – день тяжелый! Я, Димка и Санька успели на первом же уроке схлопотать по «двойке» за географию, а Мотька, учившийся еще в третьем классе, получил «кол» по родной речи. И это при том, что приближались переводные экзамены, результаты которых во многом зависели от наших текущих оценок. Вдобавок ко всему Матвей Петрович Сердюк пообещал не выпускать нас целый месяц за территорию приюта, если мы до конца недели не исправим свои плохие оценки. Директор также припомнил нам наш отказ, якобы из-за болезни, сходить на воскресную экскурсию в музей, назвав наш поступок «воспалением хитрости». Эти обстоятельства ставили под угрозу наши предстоящие занятия в Школе фокусников, о которых мы только и разговаривали на переменах.

Собравшись после уроков в школьной столовой, мы стали думать о том, какой же выход можно найти из создавшейся ситуации. После того, как нами на первое был съеден наваристый гороховый суп, Димка предложил тайком пробраться в учительскую и исправить неудовлетворительные оценки на такие милые нам и безобидные «троечки».

Откушав гуляша с лапшой, Санька изложил альтернативный вариант нашего спасения. А именно: подмешать слабительных таблеток учителям географии и родной речи, тем самым вывести их из строя и отсрочить под благовидным предлогом нашу передачу на несколько дней.

Когда очередь дошла до компота с пышной сахарной булкой, подал свой голос молчавший до этого Мотька. Он вынес на обсуждение весьма радикальный вариант, заключающийся в следующем: всем нам предлагалось вывалиться в крапиве, чтобы на теле появились волдыри. Затем мы должны были объесться соленых помидоров с холодным молоком, конфетами и печеньем, и тем самым вызвать у себя расстройство (не мнимое, а настоящее) живота. В завершение нам следовало искупаться в холодной воде речки Екиманки, чтобы поднять температуру тела как минимум до сорока градусов. Этим самым мы обеспечивали себе все необходимые симптомы какого-нибудь опасного заболевания и его длительное лечение.

Предложение Мотьки вызвало у нас легкий шок. На такие жертвы наверняка ни кто бы из нас не решился. Молчание за столом длилось довольно долго, пока из-за открытой двери опустевшей столовой не послышались ритмичные удары часов: «Бом-м-м! Бом-м-м! Бом-м-м!»

Нас словно пронзило током. Уже, ведь, три часа!

Мы сорвались с места, на бегу дожевывая остатки десерта. За оставшийся до занятий в Школе фокусников час нам следовало умыться, переодеться, причесаться и начистить пыльные после урока ботинки.

На крыльце школьного корпуса мы нос к носу столкнулись с Фомой Тузиковым. Этот упитанный рыжий колобок стоял подбоченившись и, прищурившись от яркого солнца, хитро смотрел на нашу всполошившуюся компанию.

Тузиков был весьма неприятным мальчишкой. Круглый отличник, зазнайка, хвостун и ябеда, появившийся в приюте год назад, он не водил дружбы ни с кем из ребят. Любимым его занятием в свободное от уроков время было подсматривать за воспитанниками, подслушивать их разговоры и докладывать обо всем руководству приюта. За свои проделки он бывал не раз бит ребятами. Случалось, что ему в портфель подкладывали куриного помету или живую жабу, мазали столярным клеем его стул или натирали жиром для пушшего скольжения подошвы его ботинок.

–Куда это вы собрались? – бесцеремонно окликнул он нас, ковыряя своим пухлым пальцем в зубах.

–Не твоё дело, Фома! – огрызнулся Санька Свист.

–Мы в клуб, – вдруг выпалил бегущий Мотька. – На балалаечную репетицию.

Фома от удивления выпятил нижнюю губу и округлил свои узкие бесцветные глазки.

–Как, на репетицию! А директор об этом знает? – крикнул нам вдогонку он.

–Все знают! – ответил Мотька, скрываясь за дверью жилого корпуса приюта...

Без пяти минут четыре мы вошли через северное крыльцо в здание клуба. Еще вчера захламленный, опутанный десятками квадратных метров паутины мрачный вестибюль, сегодня сверкал удивительной чистотой. На деревянный пол были брошены ярко-красные ковровые дорожки, на стенах висели разноцветные афиши, которые сразу приковали наше внимание. На броских плакатах с неизменной улыбкой на благородном лице красовался сам Пьетро Брокколи. Вот он во фраке вынимает из уха длинную ленту. Вот он с голым торсом лежит на доске, утыканной гвоздями. Вот он парит в воздухе, широко раскинув руки. Вот он, разделенный на две половинки, выглядывает из черного куба...

Наше созерцание афиш прервал тонкий мелодичный перезвон. Мы подняли головы. На верхней ступеньке лестницы стоял приветливо улыбающийся, элегантно одетый Брокколи и звонил в маленький серебристый колокольчик, строго приговаривая:

–Опаздываем, молодые люди! Ну-ка, поторопитесь! Занятия уже начинаются!

Мы, словно ошпаренные кипятком, бросились наверх, припоминая поговорку о том, что семеро одного не ждут. А тут пусть и четверых, зато весь класс! Вихрем промчавшись мимо учителя (как не раз бывало в приютской школе), мы влетели в драпированную бордовым бархатом, освещаемую десятками свечей залу и остолбенели от удивления: в помещении кроме нас не было ни единой души!

–А где же ученики? – спросил я вошедшего следом за нами Брокколи.

–Вот они, – ткнул в нас пальцем он, – передо мной.

–И это все?

–Увы! – вздохнул Брокколи с сожалением. – С того момента, как я приехал в ваш Бугучанск, я пригласил в свою школу не менее сотни детей. К сожалению, откликнулись только вы четверо. Остальные, видимо, предпочли мои занятия более практичному ремеслу.

–Игре на балалайке, хоровому пению и стрельбе из пневматической винтовки, – продолжил мысль Брокколи сообразительный Димка Бублик.

–Вы правы, молодой человек! Ну, да ладно. Только после пусть не обижаются, когда вам через несколько месяцев станет рукоплескать весь мир, а ваши имена засияют на афишах Парижа и Лондона, Москвы и Нью-Йорка!

«Это где?» – шепотом спросил меня Санька, имея в виду Нью-Йорк.

«По-моему, в Америке», – ответил я неуверенно – давала о себе знать «двойка» по географии.

–Присаживайтесь! – Брокколи указал нам на две парты, стоявшие в центре залы.

Мы шумно, словно курицы на насесты, взгромоздились на лавки парт, сложили перед собой руки и, вытянув шеи, стали следить за неспешно прохаживавшимся перед нами Брокколи.

Тот же негромким голосом начал свой урок.

– Правила в моей школе таковы, молодые люди: во-первых, на занятия следует приходить без опозданий; во-вторых, называть вы меня должны либо «Маэстро», либо «маэстро Брокколи»...

Мотьяка флагом взметнул вверх руку:

– Разрешите вопрос, Маэстро!

Брокколи утвердительно кивнул.

– Почему у вас такая странная фамилия?

– Не вижу ничего странного в своей фамилии, – нахмурился Маэстро. – Брокколи – это капуста. Согласно семейной легенде, триста лет тому назад основателя нашего рода младенцем нашел в капусте не то герцог Анжуйский, не то граф Тосканский. Он то и повелел, чтобы впредь потомки найденного в капусте карапуза носили эту звучную фамилию.

– А-а! – протянул Мотьяка, ни разу в жизни ничего не слышавший ни о герцоге Анжуйском, ни тем более о каком-то графе Тосканском.

– И третьим правилом для учеников моей школы, – продолжил Брокколи, – является запрет разглашать кому-либо секреты фокусов, о которых вы здесь узнаете. Кто принимает условия такого соглашения?

Мы, не раздумывая, дружно подняли руки.

– Что ж, тогда начнем! – хлопнул в ладоши Маэстро.

Брокколи поставил на учительский стол маятник, прикрепленный к деревянной дощечке, и толкнул его пальцем.

– Первым условием успеха любого фокуса является умение фокусника управлять вниманием зрителя. Манипулируя сознанием человека, мы заставляем его поверить в чудо, которого на самом деле-то и не было. Мы создаем у него **иллюзию** чуда! Как говорится: ловкость рук и никакого мошенничества!

– Получается, что никто тетеньку шпагами и не протыкал вовсе! – воскликнул разочарованный Мотьяка, когда-то давно видевший в цирке трюк, в котором молодую женщину, помещенную в большой ящик, пронзали острыми клинками.

– Ты прав, мой юный друг! – подтвердил Брокколи. – Твой мозг просто заставили в это поверить.

– И как же это было сделано? – поинтересовался Санька, уже имея в голове намерение научиться заставлять учителей поверить в то, что он выучил урок.

– Вы видите этот качающийся маятник? – спросил нас Маэстро монотонным и тихим голосом. – Вправо-влево, вправо-влево, вправо-влево, и так до бесконечности. Вы видите, как мерцают зажженные в зале свечи? Их свет не раздражает ваших глаз и не навеивает никаких мыслей. Вы просто смотрите и молчите, молчите и смотрите. Теперь сцепите перед собой руки. Когда я досчитаю до пяти, вы их попытаете разжать.

«Один!.. Два!.. Три!..» – медленно поплыл по зале голос Маэстро, опускаясь интонацией все ниже и ниже. И вот уже рокочущим басом он выдал из себя:

– Пять!.. Руки расцепить!

Я слегка напряг мышцы, чтобы разомкнуть сплетенные пальцы и вдруг к своему ужасу понял, что не могу этого сделать! Руки, сделавшиеся отчего-то ватными, категорически отказывались слушать мои команды. Тут только я заметил, что и мои друзья судорожно возятся со своими безвольными конечностями, не имея возможности выполнить самое простое действие.

– Мамачка! Ой! Что это со мной! – пищал Мотьяка, болтая сросшимися руками. Санька и Димка лишь только пыхтели и сопели, пытаясь разорвать накрепко закрывшийся замок из пальцев, но по их побледневшим лицам было ясно, что и они струхнули не на шутку.

Пьетро Брокколи подошел к нам, легонько стукнул каждого по лбу, и тот час следом за этим мы были освобождены из плена собственных рук.

–Что это было! – пробормотал Димка.

–Только что, молодые люди, вы на себе испытали действие гипноза, – ответил Маэстро. – Гипнотической технике я вас, конечно же, обучу. Но прежде я хочу, чтобы вы узнали еще об одной возможности, которую нам дает владение гипнозом.

Сказав это, Брокколи вывалил из кармана своего пиджака на учительский стол рогатку, два ластика, потертую колоду игральных карт, увеличительное стекло, два несвежих носовых платка и поломанный карандаш.

–Все эти предметы еще пять минут назад находились в ваших карманах, – пояснил он.

После этих слов Маэстро мы начали обшаривать себя. Увы, карманы наших брюк и курток были безнадежно пусты.

–Как же так! – воскликнул Санька. – Вы даже не подходили к нам! Как вы все это смогли у нас вытащить?

–Это вам только показалось, что я к вам не приближался. На самом деле я внушил вашему сознанию, что стою на одном месте, а сам, тем временем, преспокойненько лишил вас этого богатства.

Санька щелкнул языком:

–Здорово! Вот нам бы так уметь! Да я бы... Да мы бы...

–Не спешите, друзья мои! – прервал его Брокколи. – Всему свое время. А сейчас пора перейти к другим секретам нашего удивительного и загадочного ремесла...

Глава 4

Маэстро Брокколи продолжает раскрывать свои секреты

По мнению маэстро Брокколи самыми простыми являлись фокусы с картами. Учитель настолько лихо перебрасывал их из одной руки в другую, тасовал, вытаскивал из рукавов, одним движением выстраивал из них замысловатые высокие башенки и длинные мосты, что у нас захватывало дух. Лощеные карточные квадратiki мелькали в воздухе с такой невообразимой скоростью, что наши глаза не успевали отслеживать их порхание, напоминавшее, порой, резвящийся рой громадных бабочек.

Предложение Маэстро показать нам свое умение обращаться с картами, вызвало в наших умах и сердцах легкое смятение.

Безусловно, нельзя было сказать, что ни кто из нас ни разу в жизни не держал в руках карточную колоду. В тайне от воспитателей и педагогов мы долгими ночами под одеялами при свете карманных фонариков резались в безобидных «Дурака» или «Пьяницу», наставляя друг-другу шишки за проигранные партии. Старшие ребята чинно расписывали преферанс или «пульку». Конечно же наше детское увлечение картами находилось под большим запретом со стороны взрослых. В приюте даже ходила легенда о том, как однажды воспитатель заставил одного мальчишку, под подушкой у которого были обнаружены карты, съесть целую колоду, запивая ее сладким чаем. И, тем не менее, мы могли с уверенностью отличить трефовую масть от крестовой, умели навешивать «погоны» и весьма правдоподобно блефовать.

Первым показать свое мастерство карточного шулера вызвался Санька. Он важно взял в ладонь колоду, щелкнул картами и начал основательно, но медленно их тасовать. Затем раздал карты на пятерых игроков, и уже было хотел поднять лежавший перед ним карточный веер, как Пьетро Брокколи его остановил.

–Крестовый туз, дама червей, восьмерка пикей, шестерка червей, трефовый валет и козырной король! – сказал он, пристально глядя на обратную сторону карт.

Санька быстро раскрыл карты и от изумления округлил глаза:

–Точно!

–А что у меня? – встрял нетерпеливый Мотька.

Маэстро назвал карты, какие были розданы ему и всем остальным участникам партии.

–Крапленые! – разочарованно махнул рукой Димка, бросив карты перед собой на парту.
–Не без этого, – улыбнулся Маэстро. – Но ваша задача как фокусников, сделать так, чтобы ни кто из зрителей этого не заметил. А сейчас приступим к тренировке! Итак, первое упражнение!..

Брокколи положил перед каждым из нас по новенькой колоде карт, еще одну взял себе в руку и в считанные секунды разложил ее на шесть аккуратных кучек.

–Теперь вы, – сказал он, хрустнув длинными и тонкими пальцами...

После того, как мы научились относительно сносно раздавать карты, Маэстро предложил нам освоить второе упражнение, заключавшееся в том, чтобы, взяв колоду в руку, рассыпать карты по столу правильным полукругом. В качестве третьего упражнения нам следовало освоить метание карт на расстояние в несколько метров, что оказалось весьма непростым занятием, так как они норовили упасть прямо у нас перед носом. Затем были еще десятки упражнений, при помощи которых нам предстояло научиться перепрятывать карты из одной руки в другую, ловко подменять масти, незаметно скрывать их в рукаве или брючине, жонглировать картами таким образом, чтобы одна масть равномерно в воздухе сменяла другую...

Другой группой фокусов, с которыми нас стал знакомить Маэстро, были трюки со всевозможными веревками, канатами и узлами. Изучение этой категории фокусов началось с того, что Брокколи велел нам связать его толстой бельевой веревкой. Пыхтя и краснея от натуги, мы обмотали ею Маэстро с ног до головы, понаделав с десяток (если не больше) узлов самой невообразимой сложности. Димка даже выразил опасение в том, сможем ли мы освободить учителя без помощи ножа или ножниц. Однако Маэстро лишь подмигнул нам, его туловище сделало движение наподобие того, какое совершает змея, ползущая в траве, присел, повел плечами, и вдруг веревочные путы упали к его ногам!..

Очень важным для всякого иллюзиониста трюком Брокколи считал фокус с исчезновением какого-либо одушевленного или неодушевленного предмета. По словам Маэстро однажды в Берлине глазам многотысячной публики он продемонстрировал трюк с исчезновением самого настоящего паровоза, стоявшего на главном перроне вокзала. Однако этот фокус не был оценен по достоинству, и ему пришлось спасаться бегством от разъяренного пропажей локомотива железнодорожного начальства.

Маэстро поставил перед нами большую картонную коробку с широкой поперечной надписью «не кантовать» и попросил Мотьку, как самого маленького, в нее залезть. Сияющий от счастья Крюк помахал нам рукой, залез в коробку и прикрыл за собой крышку. Мы переглянулись, не имея возможности представить, что же будет происходить дальше. Мотька, тем временем, стал негромко насвистывать из коробки мотив песенки «Чижик-пыжик».

Брокколи вышел в соседнюю комнатку, служившую ему лабораторией, и уже через пару минут появился оттуда, с грохотом толкая впереди себя тяжеленный чугунный каток. У нас от недоброго предчувствия перехватило дыхание – каток надвигался напрямиком на хрупкую картонную коробку. Мотька, видимо, тоже почувствовал неладное и прекратил свистеть.

–Эй! Вы чего там делаете? – послышался из коробки его глухой и задрожавший голос.

–Маэстро! А может не надо этого делать? – успел проговорить я, как в следующее мгновение чугунная болванка катка подмяла под себя податливый картон ящика.

Видя это, первым нашим желанием было кинуться на Брокколи, отобрать у него каток и тем самым спасти от неминуемой гибели своего друга. Но наши мысли оказались более медлительными, чем действия Маэстро. И вот уже нашим глазам предстал расплюснутый картонный блин, из-под которого вот-вот должна была брызнуть кровь несчастного раскатанного Мотьки. Мы от ужаса закрыли глаза. Прошло несколько томительных секунд, как вдруг до наших ушей донеслось до боли знакомое сопение. Я приоткрыл один глаз и...

Перед открытой дверью комнаты-лаборатории стоял Мотька, отряхивая себя от пыли и паутины. Лицо его было бледно, но на губах сияла блаженная улыбка. Я бросился к Крюку, крепко обнял его дрожащее тело. Следом на воскресшего Мотьку накинулись Санька и Димка.

– Ты как? Тебе больно? Как ты себя чувствуешь?

– А что это было? – только и смог выговорить ошеломленный Мотька.

– Это был один из лучших моих фокусов, которому меня научил сам Гудини! – торжественно произнес Маэстро.

Я, впервые слышавший эту фамилию, повернул голову в сторону Брокколи:

– Гудини? Кто такой Гудини?

– Гудини – величайший итальянский иллюзионист, секреты которого до сих пор никому не удалось раскрыть.

– Даже вам?

Брокколи застенчиво потупил взгляд:

– Ну, положим, я-то их знаю все. А вот остальные – нет...

После трюка с раскатанным и воскресшим уже в другом месте Мотькой авторитет Пьетро Брокколи вырос в наших глазах до небывалых размеров. Теперь мы знали, что Маэстро – действительно самый великий фокусник мира. А Брокколи продолжал раскрывать нам все новые и новые секреты. Так вскоре мы научились лихо распиливать человека. Имевший опыт подопытного кролика, Мотька с радостью согласился лечь под остро наточенные зубья огромной пилы. В то время, как я и Санька, ухватившись за ручки, двигали полотно пилы, погружая его все глубже в длинный пенал, в котором лежал Мотька, Крюк хохотал от щекотки и отчаянно болтал ногами, торчавшими снаружи.

Маэстро познакомил нас с устройством механического попугая, сидевшего в клетке. Эта весьма редкая вещица была изготовлена двести лет назад в Швейцарии и называлась «Птица счастья». Механический попугай своим гортанным голосом выкрикивал предсказания любому человеку, написавшему свой вопрос на бумажке и вложившему записку в клюв Птицы счастья.

Ужасное существо, плававшее в стеклянной колбе, также имело искусственное происхождение и было изготовлено самим Брокколи из особых материалов, которые он же и изобрел. Особенностью этого невиданного монстра, странно именовавшегося «Резинус Гомункулус», было то, что он мог приобретать облик самых разных живых существ. Так, если вынуть Резинуса Гомункулуса из колбы и брызнуть на него раствором марганцевого калия, то существо становилось похожим на большую и противную жабу. Если его намазывали йодом, Резинус Гомункулус превращался в кровожадную акулу. В случае же когда его поливали уксусной эссенцией, чешуйчатый монстр сморщивался в карликового с мелкой рыжеватой щетинкой поросенка, способного хрюкать и ковырять рыльцем землю...

Наши занятия в Школе фокусников Пьетро Брокколи проходили ежедневно по несколько часов. Потому вскоре и мы и весьма довольный нашими успехами Маэстро поняли, что час нашего первого публичного выступления близок. Триумф и всемирная слава уже настойчиво стучались в двери наших таких серых и несчастных сиротских судоб!

Глава 5

Мы решаем школьные проблемы и готовимся к первому выступлению

А в приютской школе, тем временем, над нашими головами сгустились черные грозовые тучи. Неисправленные за неделю неудовлетворительные оценки по географии и родной речи грозили нам долгим заточением в приютских стенах. Матвей Петрович Сердюк всегда держал данное кому-нибудь слово. И на этот раз рассчитывать на его снисхождение к нам не приходилось. Следовательно, наш дебют – первое публичное выступление, которому мы даже подобрали оригинальное название «Аттракцион иллюзий», – отодвигался на неопределенное время.

Ранним утром понедельника, когда мы хмурые, стоя у рукомоёйников, старательно начищали свои зубы мятым порошком, Санька Свист торжественно сообщил нам, что он знает, каким образом мы можем получить хорошие оценки. Удивленные, мы застыли, и со щетками в руках и перемазанными порошком лицами уставились на друга. В то непродолжительное время, пока длилась эта немая сцена, в комнату вошел Фома Тузиков в широченных трусах и грязной майке. На пухлом лице его просияла злорадная улыбка.

–Что, голубчики, доигрались! – сказал он писклявым голоском. – Не видать вам свободы, как своих ушей, до самых летних каникул!

–С чего это ты взял? – брезгливо спросил Фому Димка.

–А я сегодня видел, как Матвей Петрович внес вас в свой черный список...

Надо сказать, что воспитанники приюта слышали о «Черном списке» Сердюка, в который попадали самые нерадивые из них. И горе тому, чья фамилия оказывалась в толстой, в кожаном черном переплете тетради Матвея Петровича!

–Ха! – громко воскликнул Санька. – А ну и что из того? Да мы сегодня же станем круглыми отличниками! Наши фотографии занесут на Доску почета, в нашу честь назовут приют и установят нам памятники в центре города! В полный рост! А Матвей Петрович будет приводить нас в пример всем остальным ребятам!

–Ну, ну, – покачал рыжей головой Тузиков. – Кроме того, что вы лгуны, вы еще, оказывается, и большие фантазеры!

–Кто это лгуны! – стал наступать на Тузикова Димка. – Да мы самые честные ребята в этом городе!

Фома попятился, но продолжал стоять на своем:

–Вы – лгуны! Вы всегда и всем врите! Зачем вы сказали, что занимаетесь в оркестре балалаечников в городском клубе?

–Ну да, занимаемся, – робко подтвердил Мотька, неделю назад первым выдвинувший эту версию, как уважительную причину наших постоянных отлучек из интерната.

–А вот и неправда! Я уже два месяца играю в этом оркестре, но вас там никогда не видел.

Мы переглянулись. Такого удара по нашей кристальной честности мы никак не ожидали.

–А еще, – продолжал осмелевший от нашей растерянности Фома, – я видел, как вы ходите на занятия в эту, как ее... Школу фокусников!

После этих слов Тузикова я вдруг догадался, что он вполне мог видеть нас, когда мы заходили первый раз в клуб с парадного входа, там, где занимались балалаечники, фотографы и хористы.

–Ты что, следил за нами! – Димка сжал кулаки.

–Не следил, а присматривал. Мало ли чего от вас ожидать можно. Вот вчера, к примеру, к Матвею Петровичу из милиции приходили и интересовались вашим Брокколи. А если он жулик? А если он преступник, которого милиция разыскивает, а вы ему помогаете?

–Лучше уходи отсюда, Фома, – замахнулся на него Димка. – Иначе сейчас как стукну!

–Попробуй только стукнуть! – вжав голову в плечи, Тузиков начал отступать к двери. – Я сразу же все Матвею Петровичу расскажу. Он-то вас в бараний рог скрутит! Он покажет вам, где раки зимуют! Он научит вас... Он...

Высокий голос Тузикова утонул в ребячьем гвалте, доносившемся из коридора, а мы, озадаченные известием о визите к директору приюта милиционера, продолжили утренний туалет.

За завтраком Гришка Захаров из соседнего отряда сообщил нам еще одну странную новость. Будто ребята несколько вечеров подряд видят, как рядом с приютом появляется всадник в длинном черном плаще на вороной лошади. Всадник всматривается в лица детей, входящих и выходящих из ворот приюта, словно ищет кого-то.

–Может это те самые злобные горные карлики? – осторожно спросил Гришку Мотька, памятуя о давнем разговоре водопроводчиков у водокачки.

–Нет! – отмахнулся Захаров. – Те должны быть маленькими, а этот – здоровый! Даже больше Матвея Петровича! А лошадь под ним, говорят, что твой слон!

Я вдруг представил себе лошадь с хоботом и большими ушами, и мне отчего-то стало весело.

–Зря смеешься, – сказал мне Гришка. – А вдруг это он тебя ищет!

–Я-то ему зачем понадобился?

Гришка лишь пожал плечами и принялся уплетать за обе щеки манную кашу с маленьким масляным глазком посредине...

Урок географии стоял в расписании наших занятий третьим по счету. Притихшие, мы вошли в класс и сели за парты, отражавшие своей зеркальной полированной поверхностью яркое солнце, бившее в высокие окна. Санька почему-то задерживался, и мы стали догадываться, что наш друг готовится к осуществлению своего, одному ему известного плана. Возможно таинственная Санькина задумка и могла спасти от краха нашу успеваемость, однако с каждой минутой в это верилось со все большим трудом.

В коридоре прозвенел звонок. С минуты на минуту в класс должна была войти географичка Глафира Серафимовна – рослая и властная пятидесятилетняя женщина с высокой седой шевелюрой, в узких золотистой оправы очках на мясистом носу, считавшая свой предмет самым главным в школе. Поговаривали, будто ее побаивался сам Матвей Петрович Сердюк, знавший географию немногим лучше нашего и искренне считавший, что Гибралтар находится там же, где и Байкал, а пустыня Сахара от того так называется, что в ней растет сахарный тростник.

В коридоре за дверью класса послышались торопливые шаги. Вот дверь распахнулась и в класс влетел Санька Свист, неся в одной руке портфель, а в другой длинную картонную коробку. Едва он занял свое место, как в класс вошла Глафира Серафимовна. Вернее она даже не вошла, а вплыла, едва не задев своей высокой прической за верхний край дверного проема. Оказавшись на середине класса, Глафира Серафимовна, словно большой океанский лайнер медленно развернулась к ученикам лицом, прикрыв своей спиной физическую карту мира, прикрепленную к доске, и свысока посмотрела на нас. Выражение ее бледного напудренного лица не предвещало нам ничего хорошего. А последовавший за этим ее монолог развеял последние крохи наших слабых надежд на благополучный исход урока.

–После долгих размышлений, я пришла к выводу, что вы, молодые люди, весьма слабо знаете мой предмет! – начала Глафира Серафимовна сильным стальным голосом. – А некоторые из вас, – взглянула она в мою сторону, – так вообще не имеют понятия, что такое география! Потому сегодня я проведу ревизию ваших знаний. И будьте уверены: некоторым из вас «двойка» за год обеспечена! – Глафира Серафимовна вновь многозначительно посмотрела на меня.

Сидевший сзади Димка обреченно вздохнул. Некоторые из учеников втянули головы в плечи – каждый из них (за исключением Фомы Тузикова) втайне думал, что в «двоечники» учительница записала именно его.

Глафира Серафимовна села за стол, раскрыла классный журнал и начала водить пальцем по списку учеников.

–А начнем мы, – произнесла она с расстановкой, не поднимая головы, – начнем мы с Даниила Кольцова.

Я вздрогнул и торопливо встал со своего места.

–Проходи к доске, Даниил Кольцов, – не отрывая взгляда от журнала, кивнула Глафира Серафимовна.

Вдруг Санька поднял руку:

–А можно я первый отвечу!

Глафира Серафимовна сдвинула очки на кончик своего выдающегося носа:

–Ты, Свист?

–Да! Я готовился всю прошедшую неделю!

Снисходительная улыбка коснулась тонких ярко накрашенных губ учительницы:

–Что ж, попробуй, Александр.

Санька схватил картонную коробку и с ней ринулся к доске. Тем временем я с чувством глубокого облегчения на сердце, сел за парту и с любопытством начал наблюдать за тем, что стало происходить дальше.

Санька вынул из коробки какой-то предмет и поставил его на край учительского стола. Тут только я увидел, что это был маятник, точно такой, какой Брокколи использовал при проведении гипнотического сеанса. Задумка хитрого Саньки мне стала понятна.

–Что это такое? – с тревогой в голосе спросила географичка Саньку, указывая на качающийся маятник. – Зачем это?

–Вы не волнуйтесь, Глафира Серафимовна! – Свист расплылся в улыбке. – Этот маятник поможет мне сосредоточиться на ответе. Вы же знаете, какой я рассеянный!

–Это уж точно – рассеянный! – согласилась Глафира Серафимовна. – Хорошо, пусть качается, а мы посмотрим, поможет этот маятник тебе, или нет. А сейчас, Александр, ты мне расскажешь о географическом устройстве африканского континента.

Димка обхватил голову руками – тема, которую должен был раскрыть наш друг, казалась нам самой сложной. Однако Санька уверенно подошел к карте, ткнул пальцем в Африку и сказал:

–Это Африка!

–Правильно, – кивнула Глафира Серафимовна, а Санька уверенно продолжил:

–Африка с востока омывается,.. один,.. Индийским океаном,.. два,.. с запада,.. три,..

–Что-что? Я что-то не расслышала, что ты сказал! – насторожилась Глафира Серафимовна.

–Я говорю, что с запада Африка омывается Атлантическим океаном,.. четыре...

В этот момент я вдруг понял, что Санька Свист решил применить метод гипноза, которому нас обучил Маэстро. И, как вскоре выяснилось, этот метод имел значительный успех! Географичка, уставившись отрешенным взглядом в качающийся маятник, начала блаженно улыбаться, словно ее уши, вместо бессвязного и монотонного бормотания ученика, слышали некую прекрасную мелодию. Когда Санька завершил свой гипнотический сеанс словами: «Ответ закончен», Глафира Серафимовна восторженно пробормотала:

–Молодец! Садись, отлично!

Следом за Санькой его примеру последовал я, а затем и Димка. В итоге уже через десять минут в журнале напротив наших фамилий стояли выведенные красными чернилами жирные «пятерки»...

После урока географии на перемене к нам подбежал разозленный Фома Тузиков. Зрачки его бесцветных глаз бешено вращались, а изо рта вылетала слюна.

–Вы... вы опять сжульничали! – кричал он, размахивая руками, словно ветряная мельница. – Это все ваш Брокколи! Это он научил вас какому-то трюку, какой-то хитрости! Я все равно разужнаю какому и расскажу директору! Я...

Димка крепким подзатыльником оборвал Тузикова. Тот ойкнул, и, сгорбившись, поплелся в класс...

В этот же день подобным образом мы исправили «кол» по родной речи у Мотьки на «пятерку», и тем самым вновь вернули себе свободу. Вечером, прибыв в Школу фокусников, мы начали активную подготовку к показу «Аттракциона иллюзий».

А работа нам предстояла весьма большая. Брокколи, договорившись о нашем первом выступлении на сцене городского клуба, назначил ответственным за изготовление костюмов

Саньку Свиста. За печатание и расклейку афиш отвечал Димка Бублик. Мотыка Крюк должен был заняться сценой – помыть пол, расставить реквизит, украсить кулисы.

Мне, как самому подготовленному, Маэстро поручил разработку программы аттракциона, написание реприз и проведение репетиций.

Уже через несколько дней город пестрел от афиш, на которых великолепная четверка юных сорванцов красовалась в ярких костюмах в компании маэстро Пьетро Брокколи. Информация о нашем предстоящем выступлении совершенно без нашего участия стала известна в приюте. Ребята и педагоги только и говорили, что о юных фокусниках. Кто-то искренне завидовал нам, а кто-то недовольно бурчал, осуждая наше пустое занятие. Подслеповатый сторож дядя Федор даже изрек фразу, сразу ставшую крылатой: «От иллюзиониста до мошенника – один шаг!». Мы с замиранием сердца ожидали реакции Матвея Петровича Сердюка на наше участие в аттракционе, однако директор хранил мрачное молчание.

Тем не менее до субботы, на вечер которой было назначено представление, все приготовления завершились. Ярко украшенная сцена сияла стерильной чистотой, отутюженные костюмы висели в гримерной комнате в кожаных портпледах, а реквизит был выставлен согласно сценарию.

В пятницу, ровно за сутки до нашего дебюта, мне пришлось задержаться в клубе несколько дольше обычного. Санька, Димка и Мотыка уже ушли, успешно справившись с поставленными задачами, а мы с Маэстро все ломали головы над эффектной концовкой нашего представления. Когда часовая стрелка стала приближаться к полуночи, Брокколи резонно заметил, что утро вечера мудренее. Еще раз осмотрев сцену, мы расстались: Маэстро направился к себе в гостиницу, а я, уставший, но довольный, потопал в приют.

Фонари на пустынных улицах города уже не горели. Мутноватый полумесяц едва пробирался сквозь низкие тучи. Потухшие окна в домах напоминали глазницы невиданных существ. Звук моих шагов по мостовой отдавался гулким эхом в притихших переулках, в которых не было ни единой души. Когда до приюта оставалось рукой подать, я увидел под раскидистым тополем, росшим напротив бакалейного магазина, высокую черную фигуру. Пройдя еще несколько десятков метров, я вдруг понял, что высокая фигура – это всадник, неподвижно сидевший на крупной лошади. Мне тот час вспомнились слова Гришки Захарова о черном всаднике, появлявшемся рядом с приютом. От этой мысли у меня неприятно заныло под ложечкой. Пригнувшись, я нырнул в подворотню, снял ботинки, и бесшумно побежал по мягкой молодой траве к видневшемуся впереди высокому забору приюта. К моему ужасу мой слух уловил вначале медленный и неровный, а затем все ускоряющийся и ритмичный стук копыт. Я понял, что черный всадник догоняет меня...

Вот я выскочил на широкую и прямую улицу, упирающуюся в ворота приюта, едва не споткнулся о торчащий булыжник, выронил из-под руки ботинок. Я уже отчетливо слышал лошадиный храп за своей спиной, а от топота копыт в моей голове стоял нестерпимый звон. Собрав последние усилия, я в три широченных прыжка одолел расстояние до заветного забора, толкнул ногой небольшую калитку, устроенную в правом створе деревянных, кованых металлических пластинами, ворот, и в следующее мгновение оказался на такой родной и знакомой мне территории приюта...

Глава 6

Триумфальное выступление и ужасное похищение

Утро субботы я встретил в дурном настроении. Практически всю ночь я провел без сна, лишь изредка забываясь тревожными видениями, в которых огромная лошадь со слоновьим хоботом и распростертыми гигантскими ушами все норовила меня затоптать.

Да и сама погода, стоявшая за окном – пасмурная с морозящим мелким дождем, – не располагала к веселью и оптимизму.

Мои друзья, не в пример мне, были бодры, веселы и полны решимости покорить своим выступлением городскую публику. Мотья, заметивший мою хандру, попытался выяснить ее причину. Однако я решил ничего не рассказывать приятелям о своем ночном приключении – зачем портить всем настроение перед ответственным дебютом!

Едва утром мы поднялись с кроватей, как почувствовали, что все обитатели приюта относятся к нам как-то по-особенному. Об этом свидетельствовали странные взгляды ребят, их приглушенный шепот, сопровождавший наше появление, то, как перед нами они расступались, пропуская вперед в туалетной комнате и столовой. Увидев нас выходящими из столовой, дед Федор поднял в воздух свою мозолистую ладонь, махнул ею и радостно с хрипотцой в надорванном голосе прокричал:

–Привет, юные шулеры!..

Фома Тузиков, державшийся теперь после легкой взбучки на приличном расстоянии, ходил вокруг нас кругами. По выражению его лица было видно, что этот маленький негодник сгорает от желания пойти с нами на примирение и принять пусть даже самое малое, но все же участие в успевшем уже нашуметь «Аттракционе иллюзий». Однако мы хранили невозмутимый вид, давая всем понять, что никого не намерены посвящать в наши дела и ни с кем не собираемся делиться славой.

Вскоре после завтрака к нам подбежал запыхавшийся Гришка Захаров и с тревогой в дрожащем голосе сообщил, что нас четверых к себе срочно вызывает Матвей Петрович Сердюк. От этого сообщения мы на мгновение оцепенели, а затем наши сердца рухнули в пятки, словно в бездонные колодцы. На подгибающихся от страха ногах мы поплелась в кабинет директора...

Даже массивная, обитая черным войлоком с литой медной ручкой директорская дверь всем своим видом говорила, что нас за ней не ждет ничего хорошего.

–Может, сбежим! – робко предложил сопевший громче всех и стоявший позади разглядывавшей дверь компании Мотья.

Я отрицательно мотнул головой:

–Нет! Помните, что мы сказали Маэстро в день нашего с ним знакомства? Мы сказали, что мы не трусы!

–Верно! Мы не трусы! – согласился Димка. – От опасности нельзя бежать. С ней надо бороться!

–Ага, бороться! – заскулил Мотья. – С Сердюком не поборешься. Он нас вмиг одолеет!

–А может того, гипнозом его, и все дела! – напомнил нам о школьном успехе Санька.

–Нет, – вновь возразил я. – Маэстро запрещал нам без надобности использовать наши навыки.

Я решительно повернул ручку и толкнул дверь:

–Разрешите войти, Матвей Петрович!..

Уже через пару секунд мы стояли на лобном месте напротив зеленосуконого директорского стола.

Сердюк в своей обычной манере не сразу поднял голову от бумаг, выдерживая томительную для нас паузу. Будто не замечая нас, он продолжал старательно обмакивать ручку в стеклянную чернильницу, стряхивать с пера лишние капли, медленно подносить ее к исписанному листу и со скрипом выводить аккуратные буквы. Наконец он с усилием поставил точку, отодвинул от себя исписанный лист и откинулся на спинку кресла. Его суровый взгляд начал блуждать по нашим лицам, пока не остановился на мне. Следом за этим громыхнул директорский голос:

–Я давно знал, что вы ходите на занятия в Школу фокусников! Мне сразу доложили... Вас не раз видели в клубе...

Рубленные фразы Матвея Петровича орудийными залпами били по нашим барабанным перепонкам. Сила голоса Сердюка нарастала с каждым его словом, медленно, но неумолимо

готовя нас к оглушительному разному. Вот директор нашарил рукой стоявшую подле него массивную трость, оперся на нее и встал из-за стола.

Словно фаланга римских легионеров мы сомкнули свои ряды, готовые с достоинством встретить директорский натиск.

Припадая на правую ногу, Матвей Петрович подошел к нашей ощетинившейся шеренге. Краем глаза я заметил, как его побелевшая ладонь левой руки железной хваткой сжала массивный металлический набалдашник трости.

«Или врежет, или прогонит!», – мелькнула в моей голове шальная мысль, как вдруг Матвей Петрович протянул мне руку.

–Я рад за вас, ребята! – неожиданно мягким, отеческим голосом сказал директор. – Может и вправду из вас получатся настоящие артисты. А мы на старости лет будем гордиться тем, что в нашем приюте воспитывались такие известные люди...

Матвей Петрович по очереди крепко пожал каждому руку и, исподлобья глядя на нас, спросил:

–А мне-то можно прийти на ваше сегодняшнее представление?

–Конечно, Матвей Петрович! – дружно выкрикнули мы.

Сердюк с улыбкой кивнул нам, молча развернулся и, сторбившись и прихрамывая, направился к своему столу, заваленному бумагами...

Парадный подъезд городского клуба сиял от иллюминации, словно новогодняя елка. Неоновые лампы – это, как нам тогда казалось, чудо двадцатого века – высвечивали над козырьком крыльца броскую надпись: «Аттракцион иллюзий». По периметру надписи в воздух взлетали искрящиеся разноцветные звезды и переливающиеся шары. Колонны, опоясывавшие вход, были увиты мигающими лампочками самых невообразимых цветов и оттенков, а у ступеней крыльца над деревянной тумбой вращался большой перламутровый шар, зазывавший на представление мигающими лозунгами: «Впервые в городе!», «Только один день и только для вас!», «Чудо двадцатого века!», «Вход свободный!».

Тем временем жаждущие попасть на представление зрители начали собираться возле клуба еще за полтора часа до начала представления. Лавочники и извозчики, служащие почты и банка, врачи и пожарные, пожилые и молодые обитатели нашего провинциального городка, разодетые по такому случаю в парадные платья и костюмы, в начищенных до блеска сапогах и штиблетах, туфлях и новеньких лаптях, с важным видом толпились у крыльца. Большую часть собравшихся зрителей составляли, конечно же, дети, чьи нетерпеливые серебристые голоса разлетались далеко по округе.

По случаю большого скопления народа у здания клуба даже был выставлен наряд конной милиции, который строго следил за порядком, а также за тем, чтобы не произошло в толпе давки.

В пять часов вечера мы, не без усилий пробравшись через плотную толпу, проникли в здание клуба. Нас встретил сам Маэстро. По легкой бледности на его лице, а также по тому, как дрожали его руки, мы поняли, что Брокколи волнуется не меньше нашего.

И все же Маэстро выглядел безупречно. На нем был новенький, сшитый по последнему слову моды немецкими мастерами черный фрак, высоченный, изготовленный в Италии цилиндр и лакированные концертные ботинки, в которых мы без труда могли увидеть свое отражение. О ворот накрахмаленной рубашки и брючные стрелки можно было порезаться – настолько они были остры и тверды. Ярким пятном на шее Брокколи выделялась малиновая «бабочка» – галстук, такой формы и размера, каких мы никогда не видели.

Маэстро обнял нас и проводил в примерную комнату, где нам следовало переодеться в костюмы и нанести на лицо грим.

По замыслу представления Мотьке достался яркий с броскими разноцветными фигурами на ткани наряд Петрушки. Крепыш Санька облачился в борцовское трико и майку с бело-

голубой надписью «Динамо» на груди, подпоясанную широким кожаным ремнем. Димка надел на себя костюм французского мушкетера, в котором ему больше всего нравились длинная, едва не касавшаяся пола, шпага и шляпа, увенчанная перьями. Мне же – и это было желание самого Маэстро – достались классические коричневые брюки, синий с серебристыми блестящими смокинг и такая же синяя и блестящая шляпа-котелок. Вот только предлагаемую мне черную рубашку я отверг сразу же. Черный цвет я не любил еще с пеленок и потому мы остановились на зеленой нежнейшего шелка сорочке.

Без двадцати минут шесть в фойе клуба прозвенел первый звонок и тот час грянул духовой оркестр, нанятый Пьетро Брокколи в городской пожарной части. В зрительном зале зажегся свет и сразу после этого служащая клуба – та самая старушка в желтом парике и очках, что советовала нам вместо фокусов заняться более практичным делом, – распахнула двери парадного входа.

В следующее мгновение людская масса, утомленная долгим ожиданием, хлынула в вестибюль, заполнила собой туалетные комнаты, буфеты и начала просачиваться в зал, громяхая спинками деревянных кресел.

Мы с волнением наблюдали через щель занавеса за тем, как стремительно наполняются партер и украшенные лепниной балконы, считая шепотом растущее число зрителей: «Пятнадцать,.. тридцать восемь,.. шестьдесят шесть,.. сто двадцать пять,.. двести восемьдесят...». Вот в зале появилась группа приютских ребят во главе с самим Матвеем Петровичем Сердюком. Директор огляделся и проследовал с детьми на свободный третий ряд амфитеатра.

Позади нас стоял Маэстро. Запрокинув голову и закрыв глаза, он мелко крестил свою грудь.

За кулису вбежал растрепанный и возбужденный заведующий клубом.

–Товарищи артисты! – прошипел он. – В зале места всем не хватит!

–Несите стулья и ставьте их в проходы между рядами, – не открывая глаз, распорядился Брокколи.

Взьерошенный заведующий исчез, и уже через несколько секунд в разных концах зрительного зала словно по мановению волшебной палочки стали появляться низенькие табуреты, изящные венские стулья, мягкие колченогие банкетки, которые немедленно заполнялись прибывающими, будто волна прилива, зрителями.

Большой интерес у всех входивших в зрительный зал вызывала клетка с механическим попугаем, стоявшая на столе, покрытом алым бархатом, рядом с распахнутой дверью зала. Зрители совали Птице счастья в клюв бумажки с интересующими их вопросами, и умный попугай горланно выкрикивал: «Скоро поправишься!». «Замуж за него не выходи!», «К зиме вернется!...».

Получив исчерпывающий ответ, люди отходили от клетки изумленные, посрамленные в своем неверии в чудо, и понимавшие, что их действительно ожидает совершенно необычное зрелище, какого они ни разу в жизни еще не видывали.

Наконец раздался третий звонок, известивший о начале представления. Гул в битком набитом людьми зале стих: зрители почтительно перестали лузгать семечки, ковырять в ушах, шелестеть несвежими газетами и обмениваться последними городскими сплетнями. Серый пыльный занавес вздрогнул и начал разъезжаться по сторонам. Одновременно с этим яркие прожектора и разноцветные софиты осветили украшенную сверкающими звездами и магическими символами пустую сцену. Оркестр пожарной части заиграл марш «Парад Алле», под звуки которого на сцену выкатился Мотыка-Петрушка. Сделав кувырок через голову, он прокричал тоненьким, почти игрушечным голоском:

–Здравствуйте, уважаемая публика! Вашему вниманию с надеждой на понимание мы представляем чудо-чудное, диво-дивное – «Аттракцион иллюзий!» А чтобы у вас не осталось никаких иллюзий на счет того, что все, что вы здесь увидите – есть самое настоящее чудо,

открывает программу сам Великий Магистр фокусов, реальной магии и чародейства маэстро Пьетро Брокколи! Встречайте!

Мотыка-Петрушка высоко подпрыгнул, дрыгнул в воздухе ногами и в два кульбита скрылся в левой кулисе.

В зале зашелестели первые несмелые хлопки. Со сцены послышался треск, из небольшого ящика, стоявшего в центре, полетели искры, повалил густой белый дым, в клубах которого публике предстал Маэстро. Пьетро Брокколи висел в воздухе в полуметре от пола сцены, широко расставив руки в белых перчатках. Зал, дружно ахнув от столь неожиданного появления Маэстро, робко притих. Тем временем Брокколи повернулся боком к зрителям и пошел по воздуху, нервно балансируя руками, точно канатоходец по тонкой проволоке. Подойдя к правой кулисе, он вынул из кармана большой шелковый платок, взмахнул им, показывая зрителям, что тот пуст, развернул его и, разжав пальцы, демонстративно спрятал руки за спину. Платок завис в воздухе, неизвестно чем поддерживаемый. Маэстро сделал несколько плавных пассов по направлению к нему, дунул, и следом за этим платок спикировал на пол, обнаружив перед публикой стоявшего за ним на руках Саньку в борцовском одеянии. Санька начал медленно жонглировать при помощи одних лишь ног пудовыми гирями. Было отчетливо видно, как под их тяжестью в локтях прогибаются Санькины руки и краснеет его лицо. Вот он толкнул вверх правой ногой одну гирию, которая взлетев под потолок так там и осталась висеть. Затем настала очередь второй гири. Санька лег на спину. В следующую секунду тяжеленные чугунные гири со свистом сорвались вниз и полетели прямо на Саньку. Зал от ужаса привстал, ожидая трагического финала этого номера. Тем временем, когда до Санькиной груди гилям оставалось лететь считанные доли секунды, Маэстро хлопнул в ладони и гири лопнули, точно воздушные шарики, испустив над невозмутимо лежавшим Санькой синеватый дымок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.